

Викентий Вересаев

Без дороги

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
В31

В31 **Вересаев В.**
Без дороги / Викентий Вересаев – М.: Книга по Требованию, 2012. – 74 с.

ISBN 978-5-4241-3250-6

Редкое творческое долголетие выпало на долю В. Вересаева. Его талант был на редкость многогранен, он твердо шел по выбранному литературному пути, не страшась ломать традиции и каноны.

ISBN 978-5-4241-3250-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Вересаев В
Без дороги

ВИКЕНТИЙ ВЕРЕСАЕВ

Без дороги

Повесть

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

20 июня 1892 года. С-цо Касаткино

Теперь уже три часа ночи. В ушах звучат еще веселые девические голоса, сдерживаемый смех, шепот... Они ушли, в комнате тихо, но самый воздух, кажется, еще дышит этим молодым, разжигающим весельем, и невольная улыбка просится на лицо. Я долго стоял у окна. Начинало светать, в темной, росистой чаще сада была глубокая тишина; где-то далеко, около риги, лаяли собаки... Дунул ветер, на вершине липы обломился сухой сучок и, цепляясь за ветви, упал на дорожку аллеи; из-за сарая потянуло крепким запахом мокрого орешника. Как хорошо! Я стою и не могу насмотреться; душа через край переполнена тихим, безотчетным счастьем.

И грудь вздыхает радостней и шире,

И вновь кого-то хочется обнять...*

* Из стихотворения А. А. Фета "Еще весна, - как будто неземной какой-то дух ночным владеет садом..." (1847).

Кругом все так близко знакомо - и очертания деревьев, и соломенная крыша сарая, и отпря-женная бочка с водой под липами. Неужели я целых три года не был здесь? Я как будто видел все это вчера. А между тем как долго шло время...

Да, мало что хорошего вспомнишь за эти прожитые три года. Сидеть в своей раковине, со страхом озираться вокруг, видеть опасность и сознавать, что единственное спасение для тебя - уничтожиться, уничтожиться телом, душою, всем, чтоб ничего от тебя не осталось... Можно ли с этим жить? Невесело сознаваться, но я именно в таком настроении прожил все эти три года.

"Зачем я от времени зависеть буду? Пускай же лучше оно зависит от меня"*.

Мне часто вспоминаются эти гордые слова Базарова. Вот были люди! Как они верили в себя! А я, кажется, настоящим образом в одно только и верю это именно в неодолимую силу времени. "Зачем я от времени зависеть буду!" Зачем? Оно не отвечает; оно незаметно захватывает тебя и ведет, куда хочет; хорошо, если твой путь лежит туда же, а если нет? Сознавай тогда, что ты идешь не по своей воле, протестуй всем своим существом, - оно все-таки делает по-своему. Я в таком положении и находился. Время тяжелое, глухое и сумрачное со всех сторон охватывало меня, и я со страхом видел, что оно посягает на самое для меня дорогое, посягает на мое мирозерцание, на всю мою душевную жизнь... Гартман** говорит, что убеждения наши - плод "бессознательного", а умом мы к ним лишь подыскиваем более или менее подходящие основания; я чувствовал, что там где-то, в этом неуловимом "бессознательном", шла тайная, предательская, неведомая мне работа и что в один прекрасный день я вдруг окажусь во власти этого "бессознательного". Мысль эта наполняла меня ужасом: я слишком ясно видел, что правда, жизнь все в моем мирозерцании, что если я его потеряю, я потеряю все.

* Из VII главы романа И. С. Тургенева "Отцы и дети" (1860).

** Гартман Эдуард (1842-1906) - немецкий реакционный философ-идеалист, которого В. И. Ленин назвал "истинно-немецким черносотенцем" (В. И. Ленин,

Соч., т. 14, стр. 273).

То, что происходило кругом, лишь укрепляло меня в убеждении, что страх мой не напрасен, что сила времени - сила страшная и не по плечу человеку. Каким чудом могло случиться, что в такой короткий срок все так изменилось? Самые светлые имена вдруг потускнели, слова самые великие стали пошлыми и смешными; на смену вчерашнему поколению явилось новое, и не верилось: неужели эти - всего только младшие братья, вчерашних. В литературе медленно, но непрерывно шло общее заворачивание фронта, и шло вовсе не во имя каких-либо новых начал, - о нет! Дело было очень ясно: это было лишь ренегатство - ренегатство общее, массовое и, что всего ужаснее, бессознательное. Литература тщательнее оплевывала в прошлом все светлое и сильное, но оплевывала наивно, сама того не замечая, воображая, что поддерживает какие-то "заветы"; прежние чистые знамя в ее руках давно уже обратилось в грязную тряпку, а она с гордостью несла эту опозоренную ею святыню и звала к ней читателя; с мертвым сердцем, без огня и без веры, говорила она что-то, чему никто не верил... Я с пристальным вниманием следил за всеми этими переменами; обидно становилось за человека, так покорно и бессознательно идущего туда, куда его гонит время. Но при этом я не мог не видеть и всей чудовищной уродливости моего собственного положения: отчаянно стараясь стать выше времени (как будто это возможно!), недо-верчиво встречая всякое новое веяние, я обрекал себя на мертвую неподвижность; мне грозила опасность обратиться в совершенно "обесмысленную щепку" когда-то "победоносного кораб-ля"*.

Путаясь все больше в этом безвыходном противоречии, заглушая в душе горькое презрение к себе, я пришел, наконец, к результату, о котором говорил: уничтожиться, уничтожиться совершенно единственное для меня спасение.

Я не бичую себя, потому что тогда непременно начнешь лгать и преувеличивать; но в этом-то нужно сознаться, - что такое настроение мало способствует уважению к себе. Заглянешь в душу, - так там холодно и темно, так гадко-жалок этот бессильный страх перед окружающим! И кажется тебе, что никто никогда не переживал ничего подобного, что ты - какой-то странный урод, выброшенный на свет теперешним странным, неопределенным временем... Тяжело жить так. Меня спасала только работа; а работы мне, как земскому врачу, было много, особенно в последний год, - работы тяжелой и ответственной. Этого мне и нужно было; всем существом отдаться делу, наркотизироваться им, совершенно забыть себя - вот была моя цель.

Теперь служба моя кончилась. Кончилась она неожиданно и довольно характерно. Почти против воли я стал в земстве каким-то *enfant terrible*;** председатель управы не мог равнодушно слышать моего имени. Подоспел голодный тиф; я проработал на эпидемии четыре месяца и в конце апреля свалился сам, а когда поправился... то оказалось, что во мне больше не нуждаются. Дело сложилось так, что я должен был уйти, если не хотел, чтоб мне плевали в лицо... Э, да что вспоминать! Я взял отставку и вот приехал сюда. Забыть все это!..

* Из лирической драмы А. Н. Майкова "Три смерти" (1852) "...И незаметно ветер крепкий потопит нас среди зыбей, как обесмысленные щепки победоносных кораблей..."

** Буквально: ужасный ребенок; здесь - человек, позволяющий себе то, на что другие не отваживаются (франц.).

Большая зала старинного помещичьего дома, на столе кипит самовар; висячая лампа ярко освещает накрытый ужин, дальше, по углам комнаты, почти совсем темно; под потолком сонно гудят и жужжат стаи мух. Все окна раскрыты настежь, и теплая ночь смотрит в них из сада, зали-того лунным светом; с реки слабо доносятся женский смех и крики, плеск воды.

Мы ходим с дядей по зале. За эти три года он сильно постарел и растолстел, покрывается после каждой фразы, но радушен и говорлив по-прежнему; он рассказывает мне о видах на урожай, о начавшемся покосе. Сильная, румяная девка, с платочком на голове и босая, внесла шипящую на сковороде яичницу; по дороге она отстранила локтем полузакрытую дверь; стаи мух под потолком всколыхнулись и загудели сильнее.

- А вот у нас одно есть, чего у вас нету,- сказал дядя, улыбаясь и смотря на меня своими выпуклыми близорукими глазками.

- Что это? - спросил я, сдерживая улыбку.

- Мухи!

Когда я еще студентом приезжал сюда на лето, дядя каждый раз слово в слово делал это же замечание.

Тетя Софья Алексеевна воротилась с купанья; еще за две комнаты слышен ее громкий голос, отдающий приказания.

- Палашка! возьми простыню, повесь на дверь в спальне! Да зовите мальчиков к ужину, где они?.. Котлеты подавайте, варенец, сливки с погребца... Скорей! Где Аринка? А, яичницу уже подали,- говорит она, торопливо входя и садясь к самовару.- Ну, господа, чего же вы ждете? Хотите, чтоб остыла яичница? Садитесь!

Софья Алексеевна одета в старую синюю блузу, ее лицо сильно загорело, и все-таки она всем своим обликом очень напоминает французскую маркизу прошлого столетия; ее поседевшие воло-сы, пушистою каймою окружающие круглое лицо, выглядят как напудренные.

- А как же? Разве без барышень можно? - спросил дядя.

- Можно, можно! Пускай не опаздывают!

- Нет, это нельзя. Как же ты нас заставляешь нарушить рыцарский кодекс?

- Да ну, будет тебе! Ведь Митя голоден с дороги. Тоже - рыцарь! сказала Софья Алексеевна с чуть заметной усмешкой.

- Ну, нечего делать: приказано, так надо слушаться. Что ж, сядем, Дмитрий? Вот выпьем водочки - и за яичницу примемся.

Он поставил рядом две рюмки и стал наливать в них из графинчика полыновку.

- А как водка будет по-латыни - aqua vitae? - спросил он.

- Да.

- Гм! "Вода жизни"...- Дядя несколько времени в раздумье смотрел на наполненные рюмки.- А ведь остроумно придумано! - сказал он, вскидывая на меня глазами, и засмеялся дребезжащим смехом.- Ну, будь здоров!

Мы чокнулись, выпили и принялись за еду.

- Где же, однако, барышни наши? - спросил дядя, с аппетитом пережевывая яичницу.- Я беспокоюсь.

- Ешь яичницу и не беспокойся. Барышни наши уж выкупались,- ответила тетя.

В саду под окнами раздались голоса, стеклянная дверь балкона звякнула и

распахнулась.

- Ну, вот тебе и барышни наши: слава богу, за полверсты слышно.

Они шумно вошли в залу. Лица их после купанья свежи и оживленны, темные волосы Наташи влажны, и она длинным покрывалом распустила их по спине. Дядя увидел это и пришел якобы в негодование.

- Наташа, что это значит, что у тебя волосы распущены?

- Я ныряла,- быстро ответила она, садясь к столу.

- Так что ж такое?

- Соня, передай ветчину... Ну, так вот нужно, чтоб волосы просохли.

- Зачем это нужно? - изумленно спросил дядя и юмористически поднял брови. - Нет, взрослым девицам вовсе не подобает ходить с распущенными волосами! - сказал он, качая головой.

Но поучение его пропало даром; все были заняты едой и, удерживаясь от смеха, трунили почему-то над Лидой. Лида краснела и хмурилась, но когда Соня, проговорив: "спасайся, кто может!", вдруг прорвалась хохотом, то и Лида рассмеялась.

- Что это вы, Лида, в большой опасности находились? - вполголоса спросил я, невольно и сам улыбаясь.

Наташа быстро взглянула на меня и незаметно повела взглядом на отца; значит, здесь тайна, которую мне объяснят потом.

- А что же ты, Дмитрий, макарон к котлетам не взял? - спохватился дядя.- Дай я тебе положу.

Он наложил мне в тарелку макарон.

- У итальянцев макароны - самое любимое кушанье.- сообщил он мне.

Очень радушный хозяин дядя, но - признаться - скучновато сидеть между "большими", и, право, я давно знаю, что итальянцы любят макароны.

Пришли и мальчики. Миша - пятнадцатилетний сильный парень, с мрачным, насупленным лицом - молча сел и сейчас же принялся за яичницу. Петька двумя годами моложе его и на класс старше; это крепыш невысокого роста, с большой головой; он пришел с книгой, сел к столу и, подперев скулы кулаками, стал читать.

- Ну, Митечка, рассказывай же, что ты это время поделывал,- сказала Софья Алексеевна, кладя мне руку на локоть.

Наташа подняла было голову и в ожидании устремила на меня глаза. Но мне так не хочется рассказывать...

- Ей-богу, тетя, ничего нет интересного; служил, лечил - вот и все... А скажите,- я сейчас через Шеметово ехал,- кто это там за околицей новую мельницу поставил?

- Да это же Устин наш, разве ты не знал? Как же, как же! Уж второй год работает мельни-ца...

И начался длинный ряд деревенских новостей. В зале уютно, старинные, засиженные мухами часы мерно тикают, в окна светит месяц. Тихо и хорошо на душе. Все эти девчурки-подростки стали теперь взрослыми девушками; какие у них славные лица! Что-то представляет собою моя прежняя "девичья команда"? Так называла их всех Софья Алексеевна, когда я, студентом, приезжал сюда на лето...

С конца стола донесся ярый рев, от которого все вздрогнули.

- Что такое? - грозно крикнула тетя.- Кто это там?

- Это - я! - торжественно объявил Петька.

- Ну, конечно, так и есть: кому же еще? Я тебе, дрянь-мальчишка!

- Это я читать кончил,- объяснил Петька.

Дядя поднял голову и, словно только что проснулся, повел кругом глазами.

- Э... э... Что это? - спросил он, побрякивая.- Должно быть, Петька опять дикие звуки испускает, а?

Ему никто не ответил. Он крикнул и подложил себе в чай сахару. Петька сидел, развалясь на, стуле, и широко ухмылялся.

- Крик могучий, крик пернатый... я в своем сердце ощутил... Крик ужасный, крик... неяс-ный... я из себя испустил... Кхе-кхе-кхе! Как хорошо вышло!

И, совершенно довольный, Петька придвинул к себе тарелку и стал накладывать творогу. Кругом смеялись, а он старательно разминал ложкою творог с сахаром, как будто не о нем совсем шло дело.

Чай отпили.

- А что, Вера Николаевна, усладите вы сегодня наш слух своею музыкой? спросил дядя.

Вера, племянница Софьи Алексеевны,- стройная, худощавая блондинка с матово-бледным лицом и добрыми глазами; она собирается осенью ехать в консерваторию, и, говорят, у нее действительно есть талант.

- Да, да, Вера,- сказал я.- Сыграйте-ка что-нибудь после ужина; я в Пожарске столько слышал о вашем таланте.

Вера встрепенулась.

- Ах, господи! Митя, я вам наперед говорю: если вы такие вещи говорить будете, я н-ни за что не стану играть!

- Да не беспокойтесь, пожалуйста, я вот сначала послушаю. Очень может быть, что после этого и не стану говорить,

Дядя засмеялся и встал из-за стола. - Ну, кажется, все уже кончили. Докажите ему, Вера Николаевна, что и Пожарск может собственных Невтонов рождать!*

* Пожарск может собственных Невтонов рождать! - Из "Оды на день восшествия на Всерос-сийский престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны, 1747 года" М. В. Ломоносова. Невтон - Исаак Ньютон (1643-1727), великий английский физик и математик.

Все перешли в гостиную. Вера села за рояль, быстро пробежала рукой по клавишам и с размаху сильно ударила пальцем в середине клавиатуры.

- Что же вам сыграть? - спросила она, повернув ко мне голову.

- Это всегда так знаменитые музыканты начинают! - почтительно произнес Петька и ткнул указательным пальцем в Верин палец, нажимавший клавишу.

- Да ну, Петя, будет! - рассмеялась она, стряхивая его руку.

Тетя отогнала Петьку от рояля.

Я попросил играть Бетховена. Наташа широко распахнула двери балкона. Из сада потянуло росой и запахом душистого тополя; в акации шелкал запоздалый соловей, и его песня покрылась громкими, дико-оригинальными бетховенскими аккордами. В зале, при свете маленькой лампоч-ки, убирали чай. Дядя сопел на диване и слушал, выкатив глаза.

Я мало понимаю в музыке; я даже не мог бы сказать, горе или радость выражены в сонате, которую играла Вера; но что-то накапливает на сердце от этих чудных,

непонятных звуков, и хорошо становится. Вспоминается прошлое; многое в нем кажется теперь чуждым и странным, как будто это другой кто жил за тебя. Я мучился тем, что нет во мне живого огня, я работал, горько смеясь в душе над самим собою... Да полно, прав ли я был? Все жили спокойно и счастливо, а я ушел туда, где много горя, много нужды и так мало поддержки и помощи; знают ли они о тех лишениях, тех нравственных муках, которые мне приходилось там терпеть? А я для этого сознательно отказался от довольной и обеспеченной жизни... И принес я с собой оттуда лишь одно - неизлечимую болезнь, которая сведет меня в могилу.

Вера играла. Ее бледное лицо смотрело сосредоточенно, только в углах губ дрожала лукавая улыбка; пальцы тонких, красивых рук быстро бегали по клавишам... О да! теперь бы и я мог уверенно сказать: сколько задорного, молодого счастья в этих звуках! Они знают не хотят никакого горя: чудно-хороша жизнь, вся она дышит красотой и радостью; к чему же выдумывать себе какие-то муки?.. Вершины тополей, освещенные месяцем, каждым листиком вырисовывались в прозрачном воздухе; за рекою, на склоне горы, темнели дубовые кусты, дальше тянулись поля, окутанные серебристым сумраком. Хорошо там теперь. Дядя по-прежнему сопел, понуриив голову Дремлет ли он или слушает?

Ко мне неслышно подошла Наташа.

- Митя, пойдем мы сегодня гулять? - шепотом спросила она, близко наклонившись и блестя глазами

- Конечно! - тихо ответил я.- А что, вам еще и теперь не позволяют гулять по вечерам?

Наташа с улыбкой наклонила голову, указала взглядом на отца и отошла.

Пальцы Веры с невозможною быстротою бегали по клавишам; бешено-веселые звуки крутились, захватывали и шаловливо уносили куда-то. Хотелось смеяться, смеяться без конца, и дурачиться, и радоваться тому, что и ты молод... Раздались громовые заключительные аккорды Вера опустила крышку рояля и быстро встала.

- Славно, Вера, ей-богу, славно! - воскликнул я, обеими руками крепко пожмая ее руки и любуясь ее счастливо улыбавшимся лицом.

Дядя поднялся с дивана и подошел к нам.

- Вера Николаевна своей музыкой, как Орфей в аду... укрощает камни...любезно сказал он.

- Именно, именно, камни укрощает! - с мальчишеским чувством подхватил я.- За вашу музыку я вас сегодня гулять с собой возьму,- шутливо шепнул я ей.

- Благодарю! - ответила она, улыбаясь.

Дядя зевнул и вынул часы.

- Ого! уже скоро одиннадцать!.. Пора и на боковую. Как ты думаешь, Дмитрий? В деревне всегда надо рано ложиться и рано вставать. Покойной ночи! Как это?.. э... э... *Leben Sie wohl, essen Sie Kohl, trinken Sie Bier, lieben Sie mir!..** Ххе-хе-хе-хе? - Дядя засмеялся и протянул мне руку. Немцы без бира никогда не обойдутся.

* Живите хорошо, ешьте капусту, пейте пиво, любите меня! (Немец. поговорка.).

Он простился и ушел. Я стал перелистывать лежавшую на столе "Ниву"; остальные тоже делали вид, что чем-то заняты. Тетя окинула всех нас взглядом

и засмеялась.

- Ну, Митя, вы, я вижу, гулять собираетесь! - сказала она, лукаво грозя пальцем.

Я расхохотался и захлопнул "Ниву".

- Тетя, посмотрите, какая ночь!

- Да Митечка, ведь ты же больше суток в дороге был! Ну, где тебе еще гулять?

- Речь тут не обо мне, тетя...

- Стал ты доктором, а, право, все такой же, как прежде...

- Ну, значит, позволяете! - заключил я.- А мальчиков можно с собой взять?

- Э, да уж идите все! - махнула она рукой.- Только, господа, потише, чтоб папка не слышал, а то буря будет... Я велю вам в зале кринку молока оставить: может быть, проголодае-тесь... Прощайте! Счастливого пути!

Мы спустились в сад.

- Ну, что же, господа, на лодке поедем? - шепотом спросил я.

- Конечно, на лодке!.. В Грёково,- быстро сказала Наташа.- Ах, Митя, ночь какая! Прогуляем сегодня до утра?..

Все были как-то особенно оживлены - даже полная, сонливая Соня, старшая сестра Наташи. Мы свернули в темную боковую аллею; в ней пахло сыростью, и свет месяца еле пробивался сквозь густую листву акаций.

- Вот, Митя, потеха была сегодня! - смеясь, заговорила Наташа. Выкупались мы перед ужином и переехали в лодке на ту сторону; возвратились назад,- я весла выбросила на берег, выпрыгнула сама и нечаянно ногою оттолкнула лодку. Лида сидела на корме,- вдруг как вскочит: "Ах, господи-батюшки! Спасайся, кто может!" - и как была, одетая,- в воду! - Я испугалась: как бы мы без весел к берегу подъехали? - краснея, стала оправдываться Лида, сестра Веры.

Странная эта Лида, молчаливая и застенчивая, она краснеет при самом незначительном обращенном, к ней слове.

- И вся, вся замочилась, выше пояса! - хохотала Наташа.- Пришлось сбегать домой, принести ей сухое платье.

- "Спасайся, кто может!" Ххо-ххо-ххо! - в восторге засмеялся Петька и обеими руками крепко обнял Лиду за талию.

- Да ну, Петька, пошел прочь! - с досадой сказала Лида.- Вешается ко всем.

- Ах, Лида, Лида! За что ты меня ожесточаешь? - меланхолично произнес Петька.- Если бы ты могла знать чувства мужского сердца!

- Ну, Петька! Шут! - лениво засмеялась Соня.

Аллея кончалась калиточкой. За нею по кособогу спускалась к реке узкая тропинка. Наташа неожиданно положила руки на плечи Веры и вместе с нею быстро побежала под гору.

- Ай!.. Ната-а-аша!!! - закричала Вера, испуганно смеясь и стараясь остановиться. Петька помчался следом за ними.

Когда мы сошли к реке, Вера, обессиленная от смеха и усталости, сидела на лавочке под черемухой и, свесив голову, громко, протяжно охала. Петька сидел рядом и тоже старательно охал.

- Да ну, Петя... Ради бога!.. Ох! - стонала она, хватаясь за грудь. Будет!.. Ох, не могу!.. О-о-ох!

- О-о-ох! - вторил Петька.

Вера морщилась и бессильно махала руками и все-таки смеялась.

- Ну, Верка, размякла совсем! - презрительно сказала Наташа, стоя на корме лодки. - Настоящая рыба!

- Господа! Ведь нас не только в доме, а и в Санине слышно, запротестовал я.

- Ну, садитесь скорей в лодку, а то мы одни уедем! - крикнула Наташа.

- О-ох, Наташа, Наташа! - вздохнула Вера, поднимаясь и еле бредя к лодке. - Что ты со мною делаешь!

- Да ну же, садитесь скорей! - повторила Наташа, нетерпеливо раскачивая лодку.

Мы с Мишей сели за весла, Вера, Соня, Лида и Петька разместились в середине, Наташа - у руля. Лодка, описав полукруг, выплыла на середину неподвижной реки; купальня медленно отошла назад и скрылась за выступом. На горе темнел сад, который теперь казался еще гуще, чем днем, а по ту сторону реки, над лугом, высоко в небе стоял месяц, окруженный нежно-синиею каймою.

Лодка шла быстро; вода журчала под носом; не хотелось говорить, отдавшись здоровому ощущению мускульной работы и тишине ночи. Меж деревьев всем широким фасадом выглянул дом с белыми колоннами балкона; окна везде были темны: все уже спят. Слева выдвинулись липы и снова скрыли дом. Сад исчез назад; по обе стороны тянулись луга; берег черною полосой отражался в воде, а дальше по реке играл месяц.

- Ах, какая чудная луна! - томно вздохнула Вера. Соня засмеялась.

- Вот, смотри, Митя, она всегда такая: просто не может равнодушно видеть месяца. Раз мы с нею шли в Пожарске через мост: на небе луна тусклая, ничего хорошего; а Вера смотрит: "Ах, великолепная луна!.." Такая сентиментальная!

- Сентиментальная! А вот Наташа только что говорила, что я - рыба. Разве рыбы бывают сентиментальные? - спросила Вера с своею медленною и доброю улыбкою.

- Отчего же нет? Высунула рыба нос из воды, смотрит на луну: "Ах, ах! великолепная луна!"

Соня сострила неожиданно для себя и залилась смехом. Я сложил весла и передохнул.

- Господа, давайте голоса ночи слушать,- предложила Наташа.- Миша, брось весла.

Лодка медленно проплыла несколько аршин, постепенно заворачивая вбок, и наконец остано-вилась. Все притихли. Две волны ударились о берега, и поверхность реки замерла. С луга тянуло запахом влажного сена, в Санине лаяли собаки. Где-то далеко заржала лошадь в ночном. Месяц слабо дрожал в синей воде, по поверхности реки расходились круги. Лодка повернула боком и совсем приблизилась к берегу. Дунул ветер и слабо зашелестел в осоке, где-то в траве вдруг забила муха.

Я закурил папиросу и стал держать горящую спичку над водой. Из черной глубины быстро вынырнула рыба, оторопело уставилась на огонь выпученными, глупыми глазами и, вильнув хвостом, юркнула назад. Все рассмеялись.

- Как Вера на луну! - сказала Лида, лукаво дрогнув бровью.

Все засмеялись сильнее, а Лида покраснела.

- Ну, господа, дальше можно ехать,- сумрачно проговорил Миша, все время зевавший. Он снова взялся за весла.